

УДК 94(495)«04/14»

ББК 63.3(0)4-93

К РЕКОНСТРУКЦИИ ВИЗАНТИЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ. ПРОЗВИЩЕ ХАРОН В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТАНАТОЛОГИИ

Е.В. Стельник

Предпринята попытка реконструкции византийских народных представлений о смерти. Фольклорные компоненты образа Харона выделяются как фундаментальные, но существующие параллельно «официальным» мифологическим конструкциям, как языческим, так и христианским.

Ключевые слова: *История Византии, народная религиозность, танатология, Харон, фольклор.*

В современной историографии считается достоверно установленным, что византийские народные ментальные представления о смерти не всегда определяются «старыми» языческими категориями и образами [16, s. 46–47]. Кажется, что традиционность византийского сознания и культуры должна, наоборот, оспаривать этот постулат. Действительно, византийские авторы охотно используют античные риторические топосы, среди которых и языческий Харон, переправляющий на своей лодке души по рекам Аида. В этом смысле «Библиотека» патриарха Фотия [26, codex 250 bekker page 443b], словарь Суда [30, chi 135] или Никита Хониат [9, с. 416] делят античную книжную мудрость, но продлевают «жизнь» и языческому образу Харона-паромщика.

Проблема заключается в том, что этот классический античный образ Харона остается в «высокой» византийской литературе лишь

риторическим штампом, а в повседневной, простой и незамысловатой жизни необразованного и поэтому далекого от литературных изысков народа присутствует совсем другой Харон, имеющий с Хароном-паромщиком общее одно только имя. Насколько этот «низовой» фольклорный Харон является языческим образом [16, s. 65]?

Далее, стоит нам обратить внимание на античные языческие представления о Хароне как фундаменте представлений византийских, как и здесь мы видим сложную, двойственную картину. Недаром Де Рюи пишет о страшной путанице, связанной с этим образом смерти [29, p. 64]. Перед нами предстают две разные античные генеалогии Харона, множество этимологий, а если добавить сюда еще и этрусского бога смерти Хару, то, казалось бы, ясная картина античных представлений рассыпается. Что уж тут говорить о еще более сложных (многослойных и синтетических) византийских верованиях, в которых нашлось место и Харону!

Но не может ли сам этот ментальный хаос стать определенным ключом к пониманию образа Харона? Можно уверенно говорить, что уже в античное время параллельно существуют несколько вариантов представлений об этом образе смерти, когда за классическим, включенным в языческий пантеон, Хароном-паромщиком стоит темный, архаичный Харон-убийца, страшный хтонический бог смерти. Такая двойственность переходит в византийские реалии, где «высокая» литература использует языческого Харона, а на народном уровне оказываются вытесненными своего рода культурной «цензурой», как языческой, так и христианской, архаичные фольклорные представления.

Не попав в литературу, фольклорный Харон остался в живой простонародной речи и дошел до нас лишь в той степени, в какой нам она сама сейчас доступна. Поэтому такое большое значение приобретают прозвища, поговорки, присказки, басни и т. д. Эти «осколки» живой, яркой народной речи непосредственно выражают ментальные конструкции греков, как античных, так и византийских.

Мы в своем рассмотрении темы остановимся на прозвищах. Прозвище, или кличка, безусловно, результат своеобразной работы массового сознания (или, наоборот, коллективного бессознательного). Подобно юмору, прозвище оказывается особым способом ассоциативного и метафорического переноса обобщенного или мифологического значения на конкретного человека. Иногда это смешно, но в нашем случае, с прозвищем Харон, не очень. То есть, если сказать иными словами, когда кого-то называют Хароном, его ему уподобляют, и если мы определим «за что» получают такое прозвище, то ясно сможем представить, какой смысл в народном античном, а потом и в византийском сознании имел и сам образ Харона. Такое прозвище есть не только неформальное отражение представлений о Хароне, но и выражение целой концепции смерти, которую нам предстоит рассмотреть.

Первое прозвище, о котором мы можем говорить обоснованно, встречается во фрагментах сочинений Эсхила (525–456 гг. до н. э.). Один из таких фрагментов описывает знаменитый миф о гибели охотника Актеона,

превращенного Артемидой в оленя и растерзанного своими же собаками в наказание за то, что он то ли увидел обнаженной Артемидой (и (или) хотел совершить над ней насилие), то ли слишком хвалился перед ней своим охотничьим искусством, то ли сватался к Семеле. Харон – прозвище одной из этих 50 собак [19, fragment 254 line 3; 27, book 5 section 47 line 4].

Такое «звериное» прозвище является исключительно архаичным [16, s. 13–17], и в нем отражаются реликтовые тотемные представления, наделяющие «собаку» хтоническими значениями и смыслами [30, alpha 510, alpha 675–676, alpha 180], которые в законченном виде выражены в образе Кербера (Κέρβερος) – страшного трех- или пятидесятиглавого пса со змеиным хвостом, сторожащего вход в Аид. У Эсхила в интересующем нас фрагменте Харон и «собака» еще не отделены друг от друга ни образно, ни функционально, а даны архаично едино. Харон в таком представлении обладает весьма «звериными» характеристиками и ведет себя словно «хищник», наделяя и саму смерть звериными чертами [30, alpha 510, alpha 675–676]. Такой Харон может «искусать» (ἔδακεν) ноги Демонакту [21, fragment 52 line 1–3], жестоко хватать (λαμβάνει) [18, section 5 line 1] своих жертв, и вообще, обладает диким (ἄγριός ἐστι Χάρων) [14, book 7 epigram 603 line 1], животным характером. Причем эта «дикость» Харона носит хтонический характер, ведь дикий (ἄγριος) – это эпитет самого Аида, дикого виновника смерти (ὁ Ἄιδης, δημιουργὸς ἄγριος) [30, alpha 359].

Важно заметить, что звериные черты Харона не исчезают во времени, а скорее являются базисом, на котором строятся более поздние концепции смерти. К примеру, тот самый «горящий взгляд» Харона, который принадлежит смерти в новогреческих песнях [4, с. 6] и который описывал Михаил Пселл (ὁ βλέμμα τοῦ Χάρωνος) [28, poem 21 line 110], происходит из архаичного звериного мира. Перед нами предстает определенное, весьма симптоматичное смешение понятий Χάρων – χάρων (χαροπός), где χάρων – это уже «горящий взгляд» [24, line 260, 455; 31, Alphabetic letter chi entry 7 line 1] немесийского льва, то есть то последнее, что видит жер-

тва перед своей неминуемой гибелью. Как писал Евстафий Солунский, этот харонический взгляд льва объясняется его животным желанием сожрать свою добычу [20, volume 1 page 441 line 10], этот взор выражает звериную дику жадность [30, alpha 3230]. В этом смысле Харон может уже не представляться в виде собаки (или рыси – в новогреческих песнях), но звериные рудименты, вроде звериного горящего взора, он сохраняет.

Следующие прозвище Харон фиксирует Anthologia Graeca в застольном и шуточном четверостишье «К Алкею», в котором Филипп Македонский (382–336 г. до н. э.) назван «винным Хароном» (Οἰνοχάρων) [14, book 11 epigram 12 line 3], так как любил отравлять своих врагов, подмешивая в вино яд. И тем самым «быстро отправлял их в Аид» (ὄντως οἰνοχάρων ὁ μονόμματος, ὃ σὺ τάχιστα τὴν αὐτὴν πέμψαις ἐξ Ἰδαίου πρόποσιν) [idid., book 11 epigram 12 line 3–4]. Одноглазый Филипп (μονόμματος) действительно «настоящий» (ὄντως) Харон, так как убивает, и поэтому является смертью. Важно, что Филипп не «переправляет» (πληροῦμαι) посредством отравленного вина в Аид, как это делает классический Харон-лодочник, а «отправляет» (πέμψαις). Харон в лице Филиппа не является «перевозчиком» в загробный мир по рекам Аида, он убивает, то есть сам является агрессивной смертью, активно принимая на себя ее функции. Такой Харон – бог смерти, которая представляется жестоким убийством или произволом.

Нельзя упустить юмористический аспект представлений о Хароне [13, с. 116]. Называя Филиппа «Винным Хароном», его не просто обвиняли в убийствах, а скорее высмеивали. Такой юмористический аспект особенно ярко выражается в прозвищах римских патрициев, о которых сообщает нам Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях». Плутарх описывает серьезные перестановки в правящем сословии Рима после смерти Цезаря и прихода к фактической власти Марка Антония, которому достался весь архив Юлия Цезаря и который, ссылаясь на эти записи как волю самого Цезаря, перестроил «под себя» все сенаторское сословие. Кого-то Антоний вернул из ссылки, кого-то выпустил из тюрьмы, а кто-то стал даже сенатором. Всех этих

неожиданно взлетевших по социальной лестнице людей простонародная молва прозвала «друзьями Харона» (Χαρωνῖται) [15, Chapter 15 section 4 line 2], так как, оправдываясь, они всегда ссылались на записи убитого Цезаря.

За эти «нечистые» методы патриции и получают свое сомнительное прозвище. Сомнительное, но и комичное. Перед нами сразу два аспекта комичного. Во-первых, χαρωνῖται – это еще название рабов, освобожденных по завещанию умершего хозяина [15, Chapter 15 section 8 line 4], а во-вторых, по замечанию Светония, в завещании были упомянуты и многие убийцы Цезаря [12, с. 116].

Тема «завещания» получает свое развитие также у Апулея (род. 130 г. н. э.). Апулей в своей Апологии называет своего обвинителя Сициния Эмилиана по его прозвищу – Хароном [2, с. 28]. Далее автор дает объяснение такому прозвищу. Во-первых, Эмилиан обладает отталкивающей наружностью, а во-вторых, и это главное, именно ему досталось все имущество умерших недавно скоропостижной смертью сразу нескольких родственников [там же, с. 28]. И досталось, по мнению Апулея, абсолютно незаслуженно.

Тема завещания и «имущества мертвых» представляет в таком прозвище целый комплекс «низовых» представлений о связи Харона-Смерти и богатства. Аид в таком контексте оказывается местом изобилия и богатства в его архаичном, страшном виде, так как принимал вместе с покойниками их имущество и монеты «за» переправу через Ахерусию. Это страшное богатство замечательно обыгрывается в прозвище Эмилиана, который стал богат после смерти родственников, то есть обогатился с помощью смерти, совсем как Харон. Так же римские патриции после убийства Цезаря, или рабы, получившие свободу после ухода на тот свет своего хозяина, получают выгоду от Смерти, которая весьма четко персонализируется в античном народном образе Харона.

Византийские прозвище Харон дошло до нас исключительно в исторических нарративах. Тот факт, что именно исторический жанр зафиксировал подобные прозвища, легко объясняется ориентацией исторических сочинений на подробности и особенности. Наши персонажи не являются главными дей-

ствующими героями, они не совершают ничего значительного. Они упоминаются как бы, между прочим, без всякого значения. Они и нас не будут интересовать сами по себе, нас будут беспокоить только их прозвища.

Первый из двух персонажей – это Константин по прозвищу Харон, упоминаемый историками Иоанном Скилицей, Львом Диаконом, Иоанном Зонарой. Константин – случайный участник событий осени 970 г., мятежа Варды Фоки, точнее его подавления. Наш сюжет разворачивается уже после того, как армия Фоки покинула своего предводителя и перешла к его врагу, стратилату Варде Склиру, а Фока с тремястами верными, «хорошо вооруженными» воинами пытался укрыться в крепости (φρούριον) [22, section 7 line 53–55] Тиранов. Склир, узнав о бегстве Фоки, попытался «с несколькими отборными всадниками» перехватить его. Начинаясь погоня. Среди преследовавших Фоку смелых (даже дерзких – τόλμη) и благородных (καὶ γενναίότητι) всадников оказался и Константин, прозванный Хароном (τοῦνομα Κωνσταντῖνος, Χάρων τὴν προσήγοριαν) [ibid., section 7 line 56], предмет нашего изучения.

Фока был в весьма сложной ситуации, преследователи наседали, а он еще и отставал, оказываясь в арьергарде (в хвосте οὐρά – οὐραγία) отступающих (бегущих?) войск. Этим и попытался воспользоваться Константин Харон, решивший (по собственному желанию – ἑαυτοῦ) напасть на Фоку в одиночку и убить его. Константин Харон – человек безродный (ἀγεννή) [ibid., section 7 line 61] и уже поэтому немужественный (ἄνανδρον), не принадлежащий к аристократическому сословию, благородному и мужественному по определению, нарушил неписанные правила достоинства и чести, кинувшись (ἐβαλλεν) на достойного уважения Фоку, желая его бессмысленно убить. Константин ведет себя словно дикое животное (ὑβρεσιν), не умея обуздать свою страсть, жажду крови или желание получить за это убийство награду. Его «смелость» явно выходит за рамки разумного, она просто оскорбительна не только для Фоки, но и для всех благородных.

Константин – жесток и низок (μικρόν) и обозван (ἀποκαλῶν) [22, section 7 line 61] Хароном, его прозвище носит явно негативный

оттенок и подчеркивает основную черту характера – его энергичную, уже известную нам по собачьему прозвищу у Эсхила, звериную жестокость, ставшую для своего обладателя обычной и естественной. Что и получило свое отражение в прозвище. Важно, что мотивы звериной жестокости легко могут пересекаться с традиционными моделями поведения на войне. Доблестный воин, словно хищник, атакует свою жертву, поэтому Менелай или Ахилл у Гомера подобны львам, пожирающим пасущихся животных – троянцев [3, с. 60]. В этом смысле и Константин ведет себя как настоящий Харон, потому что он воин, хищник и в конечном счете – смерть [7, с. 341].

Но судьба действительно удивительна и непредсказуема. Константин все ближе приближался к Фоке, по мнению Льва Диакона, не обращая на слова Варды, стремящегося его образумить, никакого внимания [8, с. 66], но отвлекся, и Фока, успев достать свою палицу (κόρυνη), нанес сильнейший удар по голове Константина, раздробив его голову вместе со шлемом (ἐκεῖνος τὴν κόρυνην ἀνατείνας παῖει τὸν Κωνσταντῖνον κατὰ τῆς κόρυθος καὶ ταύτην συνέτριψε μετὰ τῆς κεφαλῆς τοῦ ἀνδρός, καὶ εὐθὺς εἶλε τὸν πεπληγμένον πορφύρεος θάνατος) [23, р. 526 line 13–16]. Тот упал замертво. Видимо, он все же слушал Фоку. На этом наш сюжет заканчивается.

Второе упоминание прозвища Харон несколько иное, и перед нами уже не простой воин, а человек, имеющий положение и общественный вес. Никифор Вриений (1062–1140 гг.) в своем «Историческом материале» упоминает Алексея Харона, на дочери которого женился в свое время Иоанн Комнин [10, с. 27]. Об этом же императорском чиновнике в Италии пишет и Анна Комнина в «Алексиаде», восхваляя его замечательную и удивительную дочь Анну, ведущую свой род от Адриана Далассина и Алексея Харона [1, с. 130].

Об Алексее Хароне известно немного. Уверенно можно утверждать лишь то, что он женился на дочери Адриана Далассина в 1030 г. [17, р. 87] и вскоре стал ответственным за все дела в Италии, став капитаном, или герцогом – на западный манер. Сомнительно, что Харон – это фамилия [ibid, р. 88]. По мнению того же Никифора Вриения, это прозвище тот

получил за свое мужество, воинскую доблесть, силу и смелость. Так как «назван Хароном оттого, что на кого бы из противников ни нападал (встречаясь с ним лицом к лицу – ἐναντίον), убивал его насмерть» (τόν τινα γάρ τῶν ἐναντίων βαλὼν ἐπεὶ νεκρὸν ἀποδέδειξε, Χάρων ἐντεῦθεν ἐπὼνομάσθη) [25, book 1 section 2 line 12–13]. На этом откровенном замечании источники теряют интерес к Алексею, но нам этого вполне достаточно.

Описав, вслед за античными, византийских носителей прозвища Харон, можно попытаться выделить общее, то, что уже относится не к конкретным людям, а к представлениям о смерти, заключенным в архаичном фольклорном образе Харона.

Представляется, что перед нами достаточно полно предстает латентный комплекс верований о смерти, берущих свое начало в античной архаике и окончательно выражающийся в византийском Средневековье. Харон-воин или более архаичный Харон-охотник является целой концепцией смерти, где военные (или охотничьи) атрибуты образа являются его внутренней характеристикой. Важно еще раз заметить, что в исторические сочинения Льва Диакона, Скилицы, Никифора Вриения и Анны Комниной эти представления «случайно» проникают из бытовых, простонародных ментальных конструкций. Неслучайно созданный в X в. византийский народный эпос «Дигенис Акрит» представляет Харона именно как страшного воина, несущего смерть [5, с. 118]. В это же время, по-видимому, возникает целый «харонический» цикл богатырских народных песен, центральным моментом которых является сюжет вооруженной борьбы со Смертью. В этом смысле народные представления о смерти, вульгарные и бытовые, не совсем приличные для образованной публики, образуют своего рода ментальный фон. Исключительно интересно, что сам жанр византийской исторической литературы игнорирует эти «темные» народные концепции, ориентируясь скорее на «высокую» античную мысль, но они все равно проникают как бы с «черного хода», через рассматриваемые нами прозвища.

Попытаемся выделить несколько ключевых элементов этой весьма устойчивой «про-

стонародной» фольклорной концепции, возникшей еще в греческой архаике и окончательно выразившейся в византийских реалиях.

Во-первых, смерть в образе Харона-воина/охотника – это всегда «убийство». В традиционных греческих представлениях о смерти никто «сам собой» не умирает. Не существует представления о «естественной смерти», главенствует идея умысла и коварства злых сил и зависти Харона (или Аида). Так, герой народного эпоса Дигенис Акрит умирает совершенно «преждевременно» в 30 лет [16, s. 18, 42], когда его душу забирает Харон.

Во-вторых, момент смерти в традиционных греческих представлениях – момент решительной схватки, боевого поединка с Хароном. Самый яркий пример – архетипичный поединок Дигениса Акрита и Харона, который носит явный эпический характер, длится три дня и три ночи на медном или мраморном току. Дигенис близок к победе, но Харон все равно берет верх, утаскивая, схватив за волосы, поверженного героя в Аид [ibid, s. 18–19]. Сложно согласиться с А.Н. Веселовским, видевшим в сюжете «борьбы с Хароном» лишь литературное желание народного певца объяснить, как же непобедимого героя победила смерть. Представляется, что идея борьбы со смертью носит универсальный мифологический характер, выражая собой сложный переход жизни в смерть и обратно. Борьба или игра со смертью – своего рода символический обмен, целью которого является умиротворение хтонических сил. Можно в этом контексте вспомнить игры, описанные Гомером, организованные на похоронах Патрокла [3, с. 362–385], или гладиаторские бои, популярные во всем античном мире, которые являются частью «большого» погребального обряда.

Перечисленные выше элементы фольклорной концепции Харона носят явный рудиментальный характер. Уже VII–V вв. до н. э. языческие религиозные концепции сделали значительный шаг вперед. Олимпийские боги, абстрактные понятия, причинно-следственные связи, определенная рационализация и систематизация должны были потеснить архаичного хтонического Харона или, в крайнем случае, заменить его окончатель-

но «новым» Хароном, снарядив его веслом и посадив в лодку, включив его тем самым в систему иерархических божественных взаимосвязей и топографии загробного мира и мира вообще.

Но рассмотрение прозвища Харон как отражения повседневной, не регламентированной живой разговорной речи, за которой стоит, естественно, особый способ мышления и целое мировоззрение, позволяет сделать вывод, что «реликтовый» Харон не исчез (как Эмпуса или Аластор и многие прочие хтонические образы), а сохранился в фольклорных представлениях.

Более того, эти представления об архаичном Хароне оказываются параллельными классическим представлениям о Хароне-лодочнике, как их фиксирует «высокая» античная и византийская литература. Для византийских реалий эта параллельность даже удваивается, так как фольклорные концепции смерти не пересекаются не только с языческими, но теперь и с официальными христианскими концепциями смерти.

Эти фольклорные представления, естественно, более архаичны и поэтому примитивны, но и более близки «темному» и необразованному народу, которому сначала достаточно сложно уловить смысл разделения «труда» между Танатом, Гермесом, Хароном и Кербером или усвоить сложную гидрографию Аида [30, alpha 4688], а потом уже в византийское время освоить идею Страшного суда или понять, наконец, что смерть не приносит зла [6, с. 282], но определяется Божьим Промыслом [11, с. 98–100].

Очевидно, что подобные фоновые, неотрефлексированные представления далеки от жестких канонов письменной речи и поэтому игнорировались сразу, уже на стилистическом уровне образованными греческими, римскими, а потом и византийскими авторами. Игнорировались, но не исчезли, наоборот, простота и «естественность» обеспечила им долгую жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анна Комнина. Алексиада / Анна Комнина ; вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. – М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1956. – 685 с.

2. Апулей. Апология или речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы в XI книгах. Флориды / Апулей ; пер. М. А. Кузмина и С. П. Маркиша. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 436 с.

3. Гомер. Илиада / Гомер ; пер. с древнегреч. Н. Гнедича ; послесл. В. Ярхо ; примеч. С. Ошерова. – М. : Моск. рабочий, 1982. – 448 с.

4. Греческие народные песни / выбрал и перевел В. Нейштадт. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1957. – 297 с.

5. Дигенис Акрит / пер., ст. и коммент. А. Я. Сыркина. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 220 с.

6. Димитрий Кидонис. Слово о пренебрежении к смерти / Димитрий Кидонис // Поляковская, М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка / М. А. Поляковская. – СПб. : Алетейа, 1998. – С. 283–319.

7. Иоанн Дамаскин. Идиомонон / Иоанн Дамаскин // Памятники византийской литературы IV–IX вв. – М. : Наука, 1968. – 350 с.

8. Лев Диакон. История / Лев Диакон ; пер. М. М. Копыленко. – М. : Наука, 1988. – 240 с.

9. Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1 / пер. тома под ред. проф. В. И. Долоцкого. – СПб., 1860. – 466 с.

10. Никифор Вриений. Исторические записки (976–1087) / Никифор Вриений. – М. : Посев, 1997. – 208 с.

11. Пселл, М. Богословские сочинения / М. Пселл ; пер. с греч., предисл., примеч. Архим. Амвросия, д-ра Богословия. – СПб. : РГХИ : Летний сад : Журнал «Нева», 1998. – 384 с.

12. Светоний, Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей / Г. Т. Светоний ; пер. с лат. М. Л. Гаспарова. – М. : Правда, 1991. – 512 с.

13. Фрейденберг, О. М. Введение в теорию античного фольклора : лекции / Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М. : Вост. лит. РАН, 1998. – 800 с.

14. Anthologia Graeca, griechisch und deutsch. Bd. I–IV / ed. H. Beckby. – München : Ernst Heimeran Verlag, 1957–1958. – Bd. 1. – 675 s. ; vd. 2. – 608 s. ; vd. 3. – 834 s. ; vd. 4. – 748 s.

15. Antonius / ed. K. Ziegler // Plutarchi vitae parallelae. Vol. 3.1. – 2nd ed. – Leipzig : Teubner, 1971. – P. 60–148.

16. Beck, H.-G. Die Byzantiner und ihr Jenseits. Zur Entstehungsgeschichte einer Mentalität / H.-G. Beck. – München : Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1979. – 71 s.

17. Cheynet, J.-C. Etudes Prosopographiques / J.-C. Cheynet, J.-F. Vannier. – Paris : Publications de la Sorbonne : Université de Paris 1–Pantheon, 1986. – 204 p.

18. Corpus paroemiographorum Graecorum. Vol. 2 / ed. E. L. von Leutsch. – Göttingen :

Vandenhoeck & Ruprecht, 1851 (repr. Hildesheim : Olms, 1958). – 379–467 p.

19. Die Fragmente der Tragödien des Aischylos / ed. H. J. Mette. – Berlin : Akademie-Verlag, 1959. – 307 s.

20. Eustathii Archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Odysseam / ed. by J. G. Stallbaum. – Olms, 1970. – 344 p.

21. Fragmenta philosophorum Graecorum / ed. F.W.A. Mullach. Vol. 2. – Paris : Didot, 1867 (repr. Aalen : Scientia, 1968). – 151 p.

22. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / editio Princeps. Rec. Ioannes Thurn. – Berlin ; N. Y., 1973. – 409 p.

23. Ioannis Zonarae Epitome Historiarum / ed. L. Dindorf. – Lipsiae, 1868–1875. – Vol. 1. – 402 p. ; vol. 2. – 457 p. ; vol. 3. – 169 p.

24. Mascialino, L. Lycophronis Alexandra / Lorenzo Mascialino. – Leipzig : in aedibus B. G. Teubneri, 1964. – 80 p.

25. Nicéphore Bryennios. Histoire / Nicéphore Bryennios ; ed. P. Gautier. – Bruxelles, 1975. – 408 p.

26. Photius. Bibliothèque / Photius ; ed. par R. Henry. (CUF). Vol. 1–8. – Paris, 1959–1970. – Vol. 1. – 191 p. ; vol. 2. – 203 p. ; vol. 3. – 227 p. ; vol. 4. – 174 p. ; vol. 5. – 201 p. ; vol. 6. – 194 p. ; vol. 7. – 228 p. ; vol. 8. – 214 p.

27. Pollucis Onomasticon : in 2 vol. / ed. E. Bethe. – Leipzig, 1900–1937 (repr. Stuttgart, 1967). – 262 p.

28. Psellus Michael. Poemata / ed. by L. G. Westerink. – Stuttgart ; Leipzig, 1992. – 550 s.

29. Ruyt, F. de. Le Thanatos d'Euripide a le Charon etrusque / F. de. Ruyt. – Rome : Belgian Historical institute, 1932. – 71 p.

30. Suidae Lexicon. Bd. 1–4 / ed. A. Adler. – Lipsiae, 1928–1935. – Bd. 1. – 549 p. ; vd. 2. – 740 p. ; vd. 3. – 632 p. ; vd. 4. – 854 p.

31. The Atticist Lexica Hartmut Erbse: Untersuchungen Zu den Attizistischen Lexika. – Berlin : Akademie-Verlag, 1950. – 256 s.

ON RECONSTRUCTION OF BYZANTINE CONCEPTION OF DEATH. THE NAME OF CHARON IN THE CONTEXT OF FOLKLORE THANATOLOGY

E. V. Stel'nik

The article highlights the results of reconstruction of Byzantine folk conception of death. Folklore components of image Charon are considered to be fundamental, but existing simultaneously with both pagan and Christian official mythological notions.

Key words: *Byzantine Empire history, folk religiousness, thanatology, Charon, folklore.*